

**Петр Червинский (Petr Chervinskii)**

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

*Uniwersytet Śląski w Katowicach*

*Wydział Humanistyczny*

*41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5*

*czerwinski.piotr@gmail.com*

## СОРОКА-ВОРОНА В ДЕТСКОЙ ПОТЕШКЕ

### A Magpie/a Crow in the Nursery Rhymes

#### Резюме

Цель проведенного в предлагаемой работе анализа состояла в том, чтобы определить на основе выбранных текстов семантику главного действующего лица – сороки, которая характеризуется в ряде из них одновременно как сорока-ворона, а также сорока-сорока, сорока-бе-лобока и др.

Использовались описательный и сопоставительный методы, позволившие представить материал более объективно и разносторонне.

Для решения поставленных задач рассматриваются в данной статье варианты текста одной известной потешки, имеющей отношение к кормлению кашей детей. Определяются роли не только сороки, но и других упоминаемых в текстах участников, созываемых, но не появляющихся, «небывалых» гостей, пяти деток (по более полному варианту), последнему из которых кашки не достается с объяснением почему. Обычно и традиционно пять перечисляемых с помощью указательных местоимений деток соотносятся с пальцами детской руки. Потешка тем самым имеет обучающий смысл. Выявляются роли, значения и соотношения участников, на основе чего выстраивается синтагматическая модель, представляемая с помощью формулы. Даются сопоставления с пословицами, повериями, приметам, сказкой, в которых сорока встречается, наделяемая определенными свойствами. Характеризуются ее эти свойства. Сорока поверхностно, с точки зрения разбираемого текста, сравнивается с вороной. Делается вывод о том, что собой представляют с учетом фольклорной семантики, то и другое не только как видимое и воспринимаемое, но и как невидимое и потустороннее существо.

**Ключевые слова:** фольклорные тексты, потешки, пословицы, ролевая семантика действий и персонажей, модели текстов народной традиции.

### Summary

The purpose of the analysis conducted in the proposed work was to determine, on the basis of the selected texts, the semantics of the main actor – the magpie, which is characterized in a number of them simultaneously as a magpie/a crow, as well as a magpie/magpie, a magpie/white side, etc.

There were used the descriptive and the comparative methods which allowed to present the material in a more objective and comprehensive manner.

The article deals with the variants of a well-known nursery rhymes text. The story is about feeding the children with kasha. The text determines not only the role of the magpie but also of other creatures which act in the variant texts: called but usually not arriving, “unusual”, guests and five children (according to the expanded variant). The last of the five doesn't get the food and the text explains the reason why. The nursery rhyme has educational meaning. The author of the article analyses the roles, the semantics and relations among aforesaid creatures and thus the general syntagmatic model is constructed which was represented by the formula. The comparative material is based on the proverbs, tales, predictions and a fairy-tale. The magpie acts in all of these and the bird has got some determined features. These features are also characterised and described from the point of view the text and they are also compared with the crow. The author concludes what these birds are for the folklore semantics but also as the seen and observed as well as unseen creatures from the beyond.

**Keywords:** folklore texts, nursery rhymes, proverbs, semantics of figures' roles and acts, text models in the folklore tradition.

Предметом предлагаемого рассмотрения, как это следует из заглавия, будет сорока, которая в выбранном для анализа тексте представлена двойственным образом – сорока, которая в то же время ворона, или, что также возможно, как некоторое единство составленного из двух начал существа. Вопрос только в том, что именно и в каком семантическом и содержательном виде в этом случае себя объявляет и чем предстает. Первое, на что имеет смысл в связи со сказанным и в немаловажное уточнение обратить внимание, это то, что текст заявленной детской потешки существует в довольно значительном числе вариантов, и не во всех из них сорока встречается в соединении с вороной. Приведем для начала тот вариант, который, хотя и недостаточно полный, был бы в отношении предпринимаемого рассмотрения исходным. Выглядит он следующим образом: Сорока-ворона / Кашку варила, / На порог скакала, / Гостей созывала. // Гости не бывали, / Каши не едали, / Всю свою кашу / Сорока-ворона / Деткам отдала. // Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала: // – Зачем дров не пилил! / Зачем воду не носил!<sup>1</sup>

Внимание на себя обращает, помимо указанного объединения сороки с вороной, что было бы первым пунктом, располагаемые в порядке не

<sup>1</sup> Тексты данной потешки в этом и других ее вариантах взяты с сайта: <https://rustih.ru/soroka-vorona-kashu-varila/>, доступ: 23.05.2023.

случайного следования действия этой самой сороки-вороны, имеющие интенсивный характер и требующие поэтому активного приложения сил. Итак, 1) *Сорока-ворона*, основное действующее лицо и агент всего остального > 2) Кашку варила, как следует из текста приведенной потешки не для детей, и тогда возникает вопрос, что бы это была за кашка, который себя разрешает отчасти в последующем > 3) На порог скакала, а поскольку порог есть граница, выход и вход, для внутреннего своего по отношению к внешнему, постороннему и чужому<sup>2</sup>, то следует предположить, что место нахождения сороки с кашкой определяется к внутреннему и своему с выходом к пограничному (что это за внутреннее и свое для сороки-вороны – отдельный вопрос) > 4) Гостей созывала. Гости – к порогу, и чтобы их не просто позвать, пригласив, а «созвать, созывать», из чего получается, что с разных сторон необходимо скакать на порог и тогда отмечается это скакать, в котором можно усматривать не единственно способ передвижения, определяющий сороку-ворону, но и выпрыгивание, выскакивание откуда-то изнутри ли, из глубины на поверхность, собой представляющую в своем начале порог. Далее следует то, что в характеризуемом варианте потешки сорокой не устанавливается и от нее, как можно предполагать, не зависит. «Гости не бывали, Каши не едали». И тогда, в результате не столько непоявления и неприхода, сколько небывания гостей (что бы ни значило это их отсутствующее в данное время в данном месте небывание-небытие) следует производимое в замещение не бывших гостей, обращение сороки-вороны с ее еще одним действием > 5) Всю свою кашу сорока-ворона деткам отдала. Деток этих получается в соответствии с текстом данной потешки – пять, четырем из которых в перечислении, соотносимом обычно с пальцами детской руки, кашку сорока-ворона дала, а этому пятому не дала. Объясняется данное положение в исходящем к нему от нее обращении тем, что не принимал он участия в приготовлении кашки. Еще более выразительно это проявлено в двух

---

<sup>2</sup> В литературе предмета о пороге как о границе своего и чужого, входе и выходе за пределы внутреннего, домашнего, освоенного пространства можно встретить многочисленные упоминания. Ср. хотя бы такое определение значения порога: «Характерным способом маркирования начала (входа) и конца (выхода) является остановка перед порогом дома» (Байбурин, 1983, 136). И далее там же об обрядовой роли порога на с. 136–138. Или такие не менее важные замечания: «вступающий в баню либо выходящий из нее, оказывается одновременно в двух мирах и двух измерениях: одной ногой он стоит в сакральном банном пространстве либо на его границе (порог), другой – за пределами этого пространства» (Криничная, 2004, 49); «Порог – символическая граница между домом и внешним миром ... Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище» (Лантух, 2000, 133); «порог отделяет свое, домашнее, защищенное пространство от чужого, населенного разными силами, в том числе и недобрыми» (Панкеев, 1997, 55). О пороге и о пороговости как категории и границе между этим миром и тем см. также, в частности: Сафронова, 2006, 3–8. Подробные представления о пороге, с указаниями на литературу, можно найти в статье: Плотникова, 4, 2009, 173–178.

других вариантах: а) Дров не рубил, / Печку не топил, / Кашу не варил, / Позже всех приходил; б) А ты больно мал. / Крупу не драл, / По воду не ходил, / Каши не варил, / Дрова не носил, / Не дам тебе кашки.

В представленных действиях выглядит сорока-ворона как распорядительница и устроительница, организующая предполагаемое угощение сваренной ею кашкой «небывалых» гостей, в приготовлении которого, по замыслу, принимают участие детки – четверо, за исключением одного. То ли ее, то ли не ее это детки<sup>3</sup>, но это и не так важно, а важно то, что они у нее на кормлении – всю свою кашу сорока-ворона им и отдала. Ту кашу, которая им не была предназначена. Детки в данном случае выступают заместителями созываемых отсутствующих гостей.

Прежде чем прийти к какому-то выводу из того, что получилось на основе приведенного текста, обратимся к определению некоторых характерных для сороки, а также отчасти вороны, имеющих в народной традиции свойств. Для начала отметим себя проявляющую в тексте потешки подвижность сороки, характеризующуюся обращением – поворачивающейся и оборачивающейся, сменяемой обращенностью от чего-то одного к чему-то другому, объявляющую себя на пороге, скакании на порог, переключением с «небывалых» гостей на находящихся в ее распоряжении и подчинении деток, с замещением ими гостей применительно к приготовленной кашке, раздаванием, также сменяемом с переходом, переносом, транспозитивом даваемого с одного на другого из четырех, с замыканием, отказом и недаванием, с замирающей остановкой на пятом. От него, от этого пятого проецируемое в тексте действие запускается вспять, направляясь в обратный ход с перечислением как кратким, так и более полным по вариантам, чего не делалось им, этим пятым, в то время как делаться для достижения важного результата было должно.

Понимать это можно и следует как стоящую за всем этим в своем основании динамическую модель объявляемого проявления сороки-вороны. Для определения представляющихся соотносимыми с текстом приведенной потешки характерных сорочьих свойств обратимся для начала к такой поговорке: «Не было сороки, а гости у пирога!»<sup>4</sup>. Появляется тема гостей и их угощения, на сей раз не кашкой, а пирогом<sup>5</sup>, что также, если воспринимать

<sup>3</sup> Ср. концептуально значимое представление о детях как о потомках, о младших, зависимых, находящихся в услужении и на попечении, под защитой кого-то, большего, князя, боярина, пастыря. *Дети* в значении ‘паства’, ‘народ’, *дети духовные* и *дети боярские*, как потомки боярских родов и дружина боярина, князя, отсюда *детинец* – внутренний двор крепости, где собирались *отроки*, *детские* (по одной из этимологических версий). См.: Срезневский, 1958, I, стлб. 799; Аванесов, 1990, III, 170–171, где ‘народ’ дается 4-м значением.

<sup>4</sup> Эта и другие поговорки, с сохранением написания источника, взяты из словаря: Даль, 2000, 4, 574.

<sup>5</sup> Каша и пироги – ритуально-обрядовые угощения умерших родителей, нанимаемых работников, духов, представителей нечистой силы в определенные, установленные для этого

подобное угощение не однозначно, точнее было бы говорить не поверхностно, свидетельствует о соответствующей, контактноустанавливающей роли сороки между теми, кто в доме, домашними и теми, кто ожидается или не ожидается, но может прийти и придет с той, чужой, не своей стороны, с того света<sup>6</sup>.

К этому же и опять с порогом, а также предполагаемой кашкой и пирогом, – «Соро́ка подь порогомъ, и кошка умылась: а въ домѣ, ни мучицы, ни крупицы!» При таком объясняющем разрешении в других паремиях: «Сорока сокоchetь, гостей пророчить. Сорока даромъ не сокоchetь (либо къ гостямъ, либо к вѣстямъ)». Следовало бы при сороке под порогом (и умывшейся кошке) гостей ожидать, а угощать их при встрече, как получается, нечем – ни каши из крупы не сварить, ни пирога из мучицы не спечь, потому как нет ни того, ни другого. Появляется еще одна тема издаваемых специфических звуков, сокотания и речи сороки, ее способности к речи и разнесению вестей, не только их предсказания. Ср., к тому же: «Сорока скажетъ воронѣ, ворона борову, а боровъ всему городу». Сорока – с вороной, от сороки – к вороне. И дополнительно к этому: «Всякая соро́ка отъ своего язычка погибаетъ (или своимъ язычкомъ сказывается). Знать сороку по язычку. Когда соро́ка перомъ вся побѣлѣетъ, тогда и сокотать перестанетъ». Помимо следующего из этого положения о несдерживаемой болтливости, неспособности себя удержать, объявляет себя, как следствие, признак, точнее свойство ее неумности в дополнение к подвижности, отмеченной ранее.

Небезразличными для общего представления видятся проявляемые в текстах двух таких вариантов той же потешки признаки, связываемые с сорокой, в данном случае без сопровождения вороны и без детей и характерные для вороны, без ее сочетания с сорокой, а также и без детей. Первый текст звучит следующим образом: Сорока-сорока, / Бело-белобока, / Кашку варила, / Гостей манила, // Гости во двор – / Кашку на стол. / Гости со

---

дни. Ср. такие свидетельства из одного только источника: «Этот день (7 октября Феклы Заревницы), а также Воздвиженье (27 сентября) и Покров (14 октября) считались «овинными именнами»: овин «отдыхал», а молотильщиков, овиного «хозяина» или даже сам овин угощали, чаще всего кашей, пирогами». «Считая болезнь «гневом оспы», ее даже просили пожаловать в дом «на пироги», «попариться в бане» (Олон.), старались задобрить, умиловить», «Крестьяне Русского Севера считали, что, входя в лесную избу, необходимо не только спрашивать позволения у ее хозяев, но и оставлять им угощение (обычно хлеб, пироги за печкой)» (Власова, 1995, 154, 156, 191). О подобного рода кормлениях см. также: Виноградова, Толстая, 1995, 166–197; Алексеевский, 2005; Алексеевский, 2008, 118–127; Иващенко, 2019, 105–115.

<sup>6</sup> Об особенностях взаимоотношений между представителями этого и не этого мира, с позиции человека-гостя в нем, – «человек, попадающий в иной мир, невидим для его обитателей»; «обитатели потустороннего мира воспринимают речи невидимых ими гостей, а иногда и само их появление, как резкие вспышки и треск огня в очаге» (что может действовать и в обратную сторону), опуская мотивы гостей-пришельцев, умерших и пр., см. для примера работу: Неклюдов, Новик, 2010, 393–408, цитаты с. 393, 394.

двора – / И кашка со стола. И второй: Ворона, ворона, / Куда летала? / Гостей скликала, / Каши им давала //. Кашка масляная, / Ложка крашенная, / Ложка гнется, / Нос трясется, / Душа радуется. Гости на сей раз появляются, а тогда и о детях, как получается, речи нет. Появление гостей во дворе прямо и непосредственно связывается со сваренной кашкой, поскольку их дальнейшее исчезновение или уход со двора ведет за собой уборание со стола то ли после них оставшейся и недоеденной, то ли ими не тронутой каши. Ворона также скликает гостей и кормит их кашей, однако при этом не варит ее, в тексте, во всяком случае, этого нет.

Возникает зависимая обусловленность, которую можно представить в следующем моделирующем подходе: сорока-ворона, сорока, ворона > гости (манить, созывать, скликать – все три глагола видятся не случайными, предполагая действие собирания и вызывания откуда-то, для *манить* – из чего-то сокрытого, явно не обнаруживаемого, и с разных сторон для двух последующих глаголов); сорока-ворона, сорока, ворона > кашка (на стол, гостям предлагать, давать); сорока-ворона > кашка > детки (отдавать им кашку, давать). Из чего следует, что непременным и обязательным компонентом состава является отношение сороки, сороки-вороны, вороны к кашке с ее предложением и даванием гостям, а при их отсутствии – деткам. Кашка при этом варится (сорокой, сорокой-вороной) или не варится, но появляется при гостях на столе либо без такового упоминания.

Внутренним основанием (имея в виду потешку, обращенную к детям при поощряющем их кормлении кашкой) является положение, при котором некий субъектный агент  $S(Ag)$ , распорядитель и устроитель кормления (сорока, сорока-ворона, ворона) обращается в этом своем проявлении к не присутствующим и находящимся где-то, с созыванием их с разных сторон, множественным субъектным объектам кормления  $SO^{Pl}(Nutr)$  или гостям, для чего может также куда-то не только на порог скакать, но и летать (ворона), а при их «небывании» либо не упоминании производит последовательную раздачу имеющейся в приготовлении для этого каши замещенным объектам кормления  $O^{Sec}(Nutr)$ . Оборачивается данное положение предположением о вызывании подобного, приобщаемого действия в отношении кашки в параллели к отсутствующим претендентам-гостям и получающим ее в последовательной раздаче деткам, со стороны того (ребенка), кого кашкой хотят накормить, т.е. действительного объекта кормления. При этом немало важным оказывается обозначение, что кашку можно также и при раздаче не получить (тому, кому сорока, сорока-ворона ее не дала).

Складываются в результате применительно к кашке и возможному ее потреблению три проявляемых расположения, пространства, плоскости или миры: 1) потусторонних, не из этого мира гостей; 2) параллельных к действительности, представляемых деток потешки, с исключением из них одного; 3) того, кто в тексте не обозначается, но кто является предполагае-

мым адресатом кормления. Из чего получается иномирная, параллельная и представляющаяся реальной действительность, или, идя в обратном порядке, действительность адресативного этого, наблюдаемого отраженного, параллельного к этому и отдаленного, где-то имеющегося того. Стоит за этим, исходя из мысли о поощрении к кашке, стимулирующая, поддерживающая, в двух других объявляемых экзистенциональных проекциях интенция в отношении реального адресата. Не это, однако, будет предметом нашего рассмотрения, а сорока. Вернемся поэтому к ней.

Если отвлечься от непосредственно выраженных словами значений в приведенной первоначально потешке, а также в ряде ее вариантов, можно почувствовать воплощенную в этих текстах динамику для сороки, которую возможным видится определить в отношении снующего туда и сюда скакани-я-передвижения, с внесением чего-то снаружи внутрь и вынесением изнутри наружу. Данное представление можно усматривать как основное свойство сороки. Свойственна ей тем самым не оборачиваемость, как может казаться на первый взгляд, а снование, перескакивание на порог, под порог, но не только. Снование это себя проявляет в напрасном, не приводящем к своему результату созывания гостей, в кашке на стол, когда гости на двор, со стола, когда те со двора, в раздавании деткам, с поскакивающим, перемежающимся перечислением тому, кому не дает, того, чего тот не делал. Ср. по разным вариантам: Зачем дров не пилил! / Зачем воду не носил! Ты дров не носил, / Ты печку не топил! С рамочно-замыкающим представлением в начале и в конце от *где был к приходил*. А ты где был? / Дров не рубил, / Печку не топил / Кашу не варил / Позже всех приходил. С объясняющим замыканием для последнего компонента (почему нет ему кашки). А пятому не дала: / Толстый, жирный, / За водой не ходил, / Дров не рубил, / Нет тебе кашки! Или в развернутом, кашки касающемся, точнее способа ее подачи таком объяснении с мельгешащим и хлопающим в конце отлете сороки. А ты больно мал. / Крупу не драл, / По воду не ходил, / Каши не варил, / Дрова не носил // Не дам тебе кашки. / На красненькой ложке, / На средненьком окошке / Захлопала, захлопала, / И-и полетела. Заложённая в этом тексте динамика в первой фазе предполагает возрастание из пяти составляющих от «А ты больно мал» до «Дрова не носил», после чего наступает объясняющая итоговая кульминация – «Не дам тебе кашки», далее следует спад, понижение в двух компонентах – «На красненькой ложке, На средненьком окошке» и поднимающийся от «Захлопала, захлопала», направляемый вверх вылет, точнее взлет в «И-и полетела», растягиваемый в своем начале в этом *И-и*.

В связи с этим последним примером внимание стоило бы обратить на то, как и где предполагается давание кашки, т.е. что может обозначать это «На красненькой ложке», «На средненьком окошке»? Почему на красненькой (ложке) и почему на окошке, к тому же средненьком? Не углубляясь в подробности, поскольку это связывалось бы с обстоятельным погружением в материал, можно предположить это *красненькое* при ложке, исходя

их общеизвестной традиционной символики<sup>7</sup>, в отношении не столько его красоты (красное означает красивое), хотя и подобное скрытое положение не исключено, сколько к тому, что имеет своим отражением представление о жизни, живом (красное – символ живого, ср. его таковую символику в свадебном обряде, но и не только в нем) и тем самым о животворении. С учетом того, что контекстом является... И вот тут возникает вопрос, кого кормит сорока в этом случае кашей, поскольку не говорится в данном тексте о детках, ср. его полный вид: Сорока, сорока, / Белый лобок, / Кашу варила, / Гостей манила. // Гости на двор – / Каша на стол. / Гости со двора – / Каша со стола. // Этому дала, / Этому дала, / А ты больно мал /и т.д. до И-и полетела.

Вполне допустимо предположение, что неявно можно усматривать, хотя прямо об этом не говорится, кормление сваренной кашей появившихся на дворе гостей, не детей, которых «Сорока, сорока, Белый лобок» (в то время как лобок у сороки не белый, белые бока) и это важно, манила, поскольку когда они со двора, то и каша, как получается – со стола. А раз со стола, то и кормление кончено. Что это за гости – не сообщается, а то, что «Этому дала, Этому дала, А ты больно мал» и все остальное по тексту можно усматривать как ретроспекцию, обозначение того, что было до положения со двора – со стола. В результате следует из сложившегося а) необычность самой сороки как существа, поскольку раз она *Белый лобок*, то исходить приходится не из представления о привычно воспринимаемой птице, а из символики белого, имеющего свое отношение к верхнему миру, верху, смерти, мертвой и вместе с тем космической, так можно сказать, а тем самым и обобщенно-онтологической пустоте бытийного небытия; б) представление о гостях, которые появляются, приходя на двор, и в этом случае необходимо иметь в виду двор сороки как неземного и беловерхого существа (поскольку *Белый лобок*), это может быть человеческий, данного дома двор и тогда представленная ситуация разыгрывается как такая, которая, имея свое отношение к данному дому-двору для сороки с гостями и кашей, а также и всего остального, предполагает то, что происходит в невидимом<sup>8</sup>, невидимом как параллельном к видимому и в отношении него стимулирующе-продуцирующем.

<sup>7</sup> О мифологической и традиционной символике цвета, красного в том числе, литература обширна, главным образом словарно-энциклопедического характера, сводимая, так или иначе, к повторяющемуся и общему. Имеются также рассыпанные упоминания в самых разных работах, которые трудно собрать, равно как и трудно что-нибудь новое в этой материи обнаружить. Назовем лишь некоторые, специально этому посвященные, в которых затрагивается (не словарно) определяемый нами аспект: Исаева, 2006, 198–203; Максимова, 2006, 96–104; Новикова, Нудевива Кем, 2011, 51–57.

<sup>8</sup> См. об этом такие работы: Рифтин, 1946, 136–152; Цивьян, 1979, 201–207. Нефольклорные стороны данной темы: Малинина, 2015. О видимом и невидимом как видении и невидении, в связи с потусторонним и миром мертвых: Иванов, 2000, 78–104 (первая публикация: 1973, 151–176) и в названной ранее перед этим работе: Неклюдов, Новик, 2010, 393–408.

Если предположить, рассуждая далее, что сорока оделяла кашей (дала не обязательно означает кормила) гостей, а их получается трое, двум из которых дала, а третьему – нет, то гостей этих можно воспринимать как представителей трех миров – верхнего, среднего, нижнего, хотя это, может, и слишком смело, однако допустим, поскольку такое решение не противоречит имеющимся в народной традиции, не всегда объявляемым и скрыто осознаваемым представлениям. Предположим также, что не представителей трех миров, а пришедших с трех сторон, а тем самым, возможно, посланцев трех царств (медного, серебряного, золотого), согласно известной фольклорной модели, себя проявляющей при герое, оказавшемся на распутье с указанными на камне последствиями<sup>9</sup>.

Для разбираемого текста важно не столько это, сколько то, что «Не дам тебе кашки, На красненькой ложке, На средненьком окошке» и что «Захлопала, захлопала, И-и полетела». Кашка будет иметь тогда стимулирующий, как уже было указано, побуждающий к жизни (дополнительно красненькой ложкой) смысл. То, что «На средненьком окошке» предполагает тогда отношение к среднему миру, т.е. миру земному, живых (на окошке живые, в данном доме живущие домочадцы, оставляют водичку своему недавно умершему, чтобы «душечка омылась»<sup>10</sup>, а также то, что ими предназначается нищим<sup>11</sup>). Из чего получается наделение кашкой появляющихся не из этого

---

<sup>9</sup> Ср. в былине об Илье-Муромце: «Стоит камень на три дороги, На камне три надписи: «Вправо поедешь – убит будешь, Влево поедешь – женат будешь, Прямо поедешь – богат будешь» (*Былины Севера*, 1951, 347) и в сказке: «Вот отправились царевичи в путь-дорогу, приезжают к столбу, от которого идут три дороги, и на том столбе написано: вправо идти – молодец будет сыт, а конь голоден; налево идти – молодец будет голоден, а конь сыт; прямо идти – живому не быть» (*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде* (№ 172): Афанасьев, 1957, I, 436), а также другие сюжеты. В обоих приведенных случаях главный герой выбирает грозящий смертью «убийственный» путь, отчего, однако, выигрывает (снова взаимодействие с мертвым, невидимым, потусторонним, – чтобы чего-то достичь, надо пройти через смерть, столкнуться с ней, возможно также, что умереть).

<sup>10</sup> Относится это к этапу в погребальном обряде «от момента смерти до выноса гроба», когда происходит, наряду с прочими действиями, «кормление души паром от горячего хлеба, каши и т.п.; выставление воды и хлеба в головах умершего, на окно, на божницу» (Толстая, 2009, 4, 87).

<sup>11</sup> Мотив дара-обмена, в котором нищие выступают посредниками между людьми и высшими силами, через их посредство и подавание им предполагается очищение от грехов либо получение от Бога, святых себе чего-либо. Важным при этом оказывается окно, как то, что открывает домашнее внутреннее пространство внешнему миру, откуда приходят нищие. Ср. такой показательный в данном отношении фрагмент, связываемый с нарушением взятого на себя обещания: «Жил один очень бедный мужик. Как он ни трудится, как ни работает целые дни, не может разбогатеть. И стал он молиться богу и просить богатства, обещаясь при этом, если только разбогатеет, подавать каждому нищему по полухлеба. Господь услышал его молитву, и мужик вскоре зажил богато, всего у него было вдоволь. Однажды пришли к нему под окно двое нищих. Один из них был Иисус Христос, а другой – архангел Гавриил. Мужик по-

мира гостей, одному из которых кашки не полагается, потому как он больно мал, не дорос до того, чтобы быть наделенным кашкой, в которой можно, как уже говорилось, усматривать в том числе и продуцирующий аспект<sup>12</sup>. Совершив то, что сказано, и отказав в этом третьему, сорока, которая *Белый лобок* «Захлопала, захлопала, И-и полетела». Хлопающее, как снующее туда и сюда движение отлета, ухода, исчезновения с остающимся без разрешения вопросом: куда? на какую такую сторону?

Стоит к этому вспомнить ворону с ложкой, носом и душой, которая радуется. Ворона, ворона, / Куда летала? –/ Гостей скликала, / Каши им давала. // Кашка масляная, / Ложка крашенная, / Ложка гнется, / Нос трясется, / Душа радуется. Ворона летала куда-то, где скликала гостей. И гости, и то, где их кличут, и кашу дают – все это, как получается где-то не здесь, где-то там, нездешнее это место. Кашка при этом масляная, ложка, правда, не красенькая, но крашенная, что также может что-то нездешнее предполагать, покрываемое, накрываемое краской, укрываемое и притягивающее. «Ложка гнется» будучи крашеной и поэтому и не только поэтому, как следует полагать деревянной, гнется от тяжести подносимой кашки, «Нос трясется» не от нетерпения и не от радости, а от прибываемого с кашкой роста, побуждаемого движения в нем. «Душа радуется» – вспомним душечку, которую кормят и поят живые, и тогда душа эта, которая радуется, опять же нездешняя и обитает, находится где-то там.

В контексте сказанного, которое может казаться на первый взгляд неожиданным, но детский фольклор с потешками и многое то, что имеет свое

---

дал им два забусельных кусочка хлеба. Нищие поблагодарили его за милостыню и попросились переночевать» (*Разбогатевший мужик и нищие* (659): Иваницкий, 1960).

<sup>12</sup> Ср. мотив так называемой родильной, или крестильной каши, семантика которой неоднозначна. «К.[аша] была обязательным блюдом на родинах и крестинах. Употребление ее сопровождалось магическими действиями, призванными обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, женщинам – плодovitость, земле – плодородие» (Валенцова, 1999, 2, 484, разрядка источника). «На Р.[одинах] повитуха кормит отца пересоленной кашей со словами: *Солоно и горько рожать, да не всем испытать*»; «родственницы, замужние женщины соседки и повивальная бабка, не дожидаясь приглашения, наносят визит роженице. ... Этот обычай носит название рус. *родины, бабий день* ... а также рус. *проведки, отведки, наведы, ходить на кашу...*» (Кабакова, 2009, 4, 447, 446, разрядка моя – П.Ч.). Ср. также такие более древние по своему происхождению, а по значению иные свидетельства: «Обращая внимание на памятники, гдѣ упоминается о Родѣ и Роженицахъ, А.Х. Востоковъ отмѣтилъ ... и то, что – съ робягъ первыя волосы стригутъ и бабы каши варять на собраніе рожаницамъ»; «Несравненно чаще встрѣчаются въ памятникахъ упоминанія о Роженицахъ. Служеніе имъ – работаніе – заключалось ... въ ... обѣдѣ, для котораго между прочимъ, варили каши ... Цѣлюю этихъ требъ было частію созываніе – собраніе – Роженицъ, частію умиловивленіе и передача дѣтей подъ ихъ покровъ; а основаніемъ ихъ было вѣрованіе въ силу ихъ вліянія на новорожденныхъ, въ ихъ *вошленіе рожденія*» (Срезневский, 1855, 8, 16). Под роженицами здесь следует понимать мифологические «существа женского пола, определяющие судьбу ребенка при рождении» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Рожаницы-и-Род>, доступ: 4.06.2023).

отношение к детям, связывается отнюдь не случайно с потусторонним, смертью, миром мертвых, поскольку ребенок, родившись, находится на границе миров<sup>13</sup>, в этом мире как представитель мира не этого, – в контексте сказанного внимания заслуживает еще один вариантный к первоначально взятому с сорокой-вороной и весьма загадочный текст. Приведем его полностью: Сорока-сорока / На порог скакала, / Гостей поджидала: // Не приедут ли гости, / Не съедят ли кашку? / Приехала Агашка, / Всю съела кашку. // Этому дала на тарелочке, / Этому на ложечке, / Этому на мутовочке, / Этому весь горшочек, / Пальчику-мальчику / Не досталось. // Пальчик-мальчик / Толчет, мелет. / По воду ходит, / Квашню творит: // Вода на болоте, / Мука не молота. / Квашенка на липе, / Мутовка на сосне. // Взял коробичку, / Пошел по водичку. / Тут ступил – тепленько, / Тут – горяченько, / Тут пень да колода, / Тут белая береза, / А тут ключики кипят-кипят<sup>14</sup>.

Начнем его рассмотрение с наиболее энигматической части – с конца. Пальчик-мальчик также не вполне человеческое по природе своей существо<sup>15</sup>, кашки которому не досталось, по воду ходит, которая на болоте. Коль скоро ходит, то не один раз, а регулярно, и все, что описано – толчет, мелет, квашню творит – предполагает его занятие, состоящее в том, чтобы производить, но не кашку, поскольку квашня и мука, а нечто, что можно представить себе как миротворение или то, что имеет к этому отношение, вещественное начало субстанционального его существа (тесто первоначала). Стимулирующее и продуцирующее это занятие, обусловливаемое дополнительно тем, что ходит он «по водичку» туда, где сначала «тепленько», потом «горяченько», а там далее или рядом «пень да колода, белая береза» и, что самое главное, «ключики кипят-кипят». Представлено место, особенно с ключиками чего-то нездешнего, человеку невидимого, не данного видеть, потустороннего для

---

<sup>13</sup> Ср. такие высказывания, определяющие данное положение: «Новорожденный только что *пришел* из иного мира в мир живых»; «Младенец – существо новое в этом мире: требуются введение его в *свое* пространство»; «Младенец в перспективе должен преодолеть состояние перехода, необходимо полное оформление его в человеческом статусе» (Головин, 2001, 31, 32). И определение колыбели как конца «пути, по которому ребенок пришел из иного мира в мир живых» (Баранов, 1995, 237–238).

<sup>14</sup> Имеются также другие, близкие к этому, «обучающие» варианты этой потешки, сопровождаемые указаниями на последовательные действия с ладошками и пальчиками ребенка, однако их рассмотрение не входило в задачу.

<sup>15</sup> Поскольку наделенное необычными способностями, связанными не только с маленьким ростом, но и действиями, свидетельствующими о хитрости, знании человеческих слабостей, а также с умением выходить без потерь из любой ситуации. Сюжет с этим героем известен в сказках многих не только европейских народов, см., для примера, у Ш. Перро, бр. Гримм (№ 37, *Daumesdick* ‘большой палец’), в сборнике А.Н. Афанасьева (№ 300). В указателе сказочных сюжетов дается такой вариант: «327 В. Мальчик-с-пальчик у великана: мальчик с братьями попадает к великану (людоеду); ночью меняет платье своих братьев и дочерей великана; великан убивает дочерей, братья спасаются» (Андреев, 1929, 30).

него, в котором находится то, что необходимо для созидания, что используется пальчиком-мальчиком для творения квашни, толчения и меления в составе воды на болоте, муки, которую надо смолоть, потому как не молота, средств и орудий, находящихся в неожиданном, древесном, на лесное похожем месте, к тому же и при болоте – «Квашенка на липе, Мутовка на сосне».

*Сорока-сорока* по данному тексту, возвращаясь к его началу, с порогом (на порог скакала), с гостями, в приведенном случае она их не созывает, а ждет (поджидала), не говорится также, что варит кашку, кашка готова, гости, если придут, ее съедят. Кашку и при этом всю съедает приехавшая Агашка, судя по всему великанша, поскольку прорва и с большим аппетитом<sup>16</sup>. Далее следует перечисление четырех то ли приехавших, то ли где-то там находящихся гостей, где сорока и кашка, которым она дает ее. И опять возникает мотив продуцирующего стимулирования, не созидания по замыкаемому кругу – на тарелочке, на ложечке, на мутовочке и под конец весь горшочек<sup>17</sup>.

Не случайным видится число проявляемых в данном тексте потешки участников. Первой будет сорока, определяющая роль которой заключается в последовательном и обусловленном наделении кашкой – на тарелочке, на ложечке, на мутовочке, весь горшочек<sup>18</sup>. Для чего она перед этим должна скакать на порог, поджидая гостей: *Сорока-сорока* > (скакать) на порог > поджидать (гостей) > давать (кашку – четверем из пяти). Второй возникает *Агашка*, которая > приехала и > всю съела кашку. И таковое ее проявление, видимо, следует понимать в параллель к тем, которым сорока дает на тарелочке, ложечке и т.д. Параллель, в которой одновременно может происходить одно и другое, Агашка съесть может всю кашку и можно дать ее также этому, этому, этому, этому, из которых пятым становится пальчик-мальчик, а ему не досталось от четырех, тем более, что последний из них получил «весь горшочек». Третьими будут эти четверо, которым дается кашка (допустимо предположить, что дает им *Сорока-сорока*, а поскольку в повторе, то, возможно, двойственное по природе своей существо как *Сорока-воро-*

<sup>16</sup> Ср. мотив вечно голодного пожирателя в сказках (чудесные помощники главного персонажа) и *весь горшочек* четвертому в тексте. «513 А. Шесть чудесных товарищей: помощники (Объедало, Опивало и пр.) выполняют разные поручения вместо героя» (Андреев, 1929, 39); *Летучий корабль*, № 144 в сборнике А.Н. Афанасьева.

<sup>17</sup> *Сладкая каша* (№ 103, *Der süße Brei*) у бр. Grimm, в которой продуцирующий кашу горшочек («Törfchen, koche / Горшочек, вари!»), не будучи остановлен, постепенно заполняет кашей весь свет.

<sup>18</sup> Значимы эти четыре перечисления, предполагающие тех, кто и/или что за ними стоит, в их отношении к *тарелочке, ложечке, мутовочке, всему горшочку*. В потешке это пальцы руки, каждый со своим названием и своей ролью для человека – ребенка, познающего в этом мире не только себя и не только свои в нем проявления и действия. Развивать эту тему, с ее проекцией не только к пальцам, в данном месте, однако, возможным не представляется.

на) > давать > те, кому дают, получающие, адресаты, объекты давания (на тарелочке, на ложечке, на мутовочке, весь горшочек). Четвертым становится пальчик-мальчик, которому > «не досталось» и здесь фигурирует он как объект адресатного обделения, но который > «Толчет, мелет. По воду ходит, Квашню творит», действуя в этой своей проекции как агент-созидатель.

Общая формула получаемой картины выглядит таким образом, что *Сорока-сорока* выступает субъектным агентом давания S(AgDat), что предварительно предполагает скакание ее на порог, вынырывающее, скажем так, появление ее на границе каких-то миров S(Exort > AgDat). Приехавшую *Агашку*, второе действующее лицо следует воспринимать в ее обозначенном проявлении как поглотителя (всей каши). Не говорится о том, что кашка ей предназначалась. Была бы она тогда агентом абсорбции каши, которую следует воспринимать, исходя из контекста не только этой потешки, как вещество и субстанцию стимулирующего воссоздающего продуцирования Subst(Prod). При Агашке это часть обозначенного выглядела бы как Ag(Absorb > SubstProd). Третьи участники, те, кому кашку дают, фигурируют как адресаты давания Сорокой-сорокой, как можно предполагать A<sup>4</sup>(Dat). И, наконец, пальчик-мальчик, обделенный в давании адресат A<sup>1</sup>(NegDat) и во второй своей роли – агент продуцирующего творения Ag(Prod). В общем виде все это можно представить по формуле S[Exort > Ag(Dat > SubstProd < Ag(Absorb > SubstProd))] > A<sup>4</sup>(Dat < SubstProd) > A<sup>1</sup>(NegDat > SubstProd) > A<sup>1</sup>(AgProd) – ‘субъект (по)граничного появления выступает агентом последовательно-кругового (раз)давания субстанции стимулирующего продуцирования четырем адресатам до полноты исчерпания раздаваемого на четвертом, при поглощающем, абсорбирующем отношении к субстанции продуцирования со стороны агента не адресата и обделении, по нехватке этой субстанцией пятого адресата, агента творения, продуцирования’. В этом видится содержащийся в тексте потешки смысл, который, варьируясь по вариантам, вместе с тем представляется таким как исходный.

Из этого будет следовать роль сороки, о которой речь. Роль эта, определяя ее к границе обозначаемого появления (на пороге), предполагает в своем обобщении медиативность или посредничество. В сказке из сборника А.Н. Афанасьева (№ 265, Белая уточка) показательно именно такое использование сороки. Злая ведьма-колдунья обращает супругу князя, княгиню в белую уточку, а детей ее умерщвляет, но козни ее раскрываются «Взял он [князь] ее за крылышко [белую уточку] и говорит: „Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!” Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню» (Афанасьев, 1957, 2, 327). Возникает тема белой березы, которая должна быть сзади, чтобы увидеть то, что, оборачиваясь, становится спереди (ср. белую березу в потешке при ключиках, которые «кипят, кипят»). И тогда это был бы мир позади находящегося и смотрящему

перед собой невидимого. В какую бы сторону он ни обратился, то, что сзади, всегда будет сзади и только там<sup>19</sup>. Для нас в отношении сороки важно то, что сразу же следует далее: «Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили» (Афанасьев, 1957, 2, 327).

Сорока куда-то слетала, где та и другая вода и воду ту принесла. А поскольку послали сороку и поскольку слетала, то такова ее, из этого получается, и сорочья роль. Знает она куда надо слетать, может слетать и принести оттуда то, что связано с жизнью, точнее оживлением и способностью к речи, тем, что дает возможность начать говорить. Подобно это отчасти скаканию ее на порог и даванием кашки, которая также не может быть кашкой обычной, но кашкой, в себе содержащей способность к животворению, оживлению и говорению речи.

Два эти ведущие основания для сороки – подвижность, связываемая со скаканием, вскакиванием и выскакиванием в полете в какие-то не обозначаемые определенно места или пространства нездешнего, и говорение, для нее сокотание с разнесением и принесением вестей, из чего следует ее способность предсказания того, чего следует ожидать с какой-либо стороны. Два эти ведущие для нее основания проявляют себя в пословицах и приметах, часть из которых ранее уже приводилась. Обратим внимание еще на один ряд с возможным из него расширением. О вестях, значение которых и источник сомнительны или не определенны обычно ответом на вопрос: «Откуда это (известно)? Кто так сказал?» – Сорока на хвосте принесла. У Даля: «Сорока намъ на хвосту вѣсть принесла». Принесла на хвосте (на хвосту) откуда-то, от кого-то, с какой-то там стороны – параметр неопределенности, неизвестности в отношении сообщаемых кем-то сведений. Повторение одного и того же, говорение длительное, неостановимое, надоедливое отмечается выражением: Зарядила / затвердила / заладила сорока Якова одно про всякого / одна и про всякого<sup>20</sup>.

Определяются знания в своей речевой проекции уже сообщавшиеся, не несущие с собой ничего нового, не содержащие ничего такого, чего не слы-

<sup>19</sup> Ср. не слишком приличное, но исходно традиционное в своей неизбежности эпистемологическое отнесение в такой приговорке *Как ни крутись, а ж... сзади*.

<sup>20</sup> «Затвердила (заладила) сорока Якова – одно про всякаго (иноск.) одну и ту же пѣсню» дает словарь: Михельсон, 1997/1912, I, 335. М.И. Михельсон предлагает такое не слишком убедительное, поскольку далекое, сопоставление: «Ср. *C'est la chanson du ricochet* (намек на древнюю пѣснь, въ которой часто повторялись одни и тѣ же слова). По другимъ *ricochet* есть названіе птички, постоянно повторяющей свою пѣсню. Впрочемъ безъ намека на птицу тутъ не обходится, такъ какъ и в словѣ *ricochet* – не безъ птицы (сог – петухъ)». Остается непраздный вопрос без ответа, почему сорока Якова и кто такой этот Яков, поскольку одним объяснением рифмы здесь не обойтись.

шали и о чем до этого не говорилось – параметр итератива, репетитивности в отношении предмета речи. Знания, сведения, «речи», но не только речи сорочки, само ее где-то присутствующее сидение, способны быть неприятны, приносить вред, содержать в себе потенциальное зло, ср. в такой паремии – Какъ соро́ка: гдѣ посидить, тамъ и на́костить (напортит, напакостит).

Предсказывающая способность сороки с ее отношением к той или иной стороне обнаруживает себя в таких поверьях: сорока стрекочет близко, на дворе – к новостям, письмо получать, причем новости будут с той стороны, куда она обращена клювом<sup>21</sup>. Важно, что на дворе (вспомним «гости – на двор» в приведенных потешках) и при этом близко (параметр приближения, прилета откуда-то, из какого-то места, сюда), а также то, что с той стороны, куда она обращена клювом (знание, ориентация ее к стороне). В дополнение к этому: сидящая близ окна и кричащая (сорока) – к гостям, а если есть больной в том доме, то к выздоровлению, с дополнением в отношении оживляющего, связанного с возвращением к жизни, выздоровлением, предсказания и предчувствия (вспомним живящую воду по сказке, которую приносит сорока). Ее отношение не к этому миру, предполагающее появление в этом мире из мира того, можно отметить с положением близости и окна в таком проявлении и опять же с криком. Если сорока кричит, сидя на окне или ставне, то это предвещает новорожденного гостя. Новорожденного – гостя, поскольку приход его ожидается из потустороннего, из мира мертвых и с той стороны. Приходящие «гости» к дому и в дом могут быть маложелательны, и на это также способна указывать своим появлением сорока: в сени залетела – к ворам. Возможным свидетельством ожидаемого может быть также число сорок, при том, что обычно, в пословицах, приметах с поверьями, в приведенной сказке сорока себя объявляет и действует в одиночку. Если увидишь одну сороку – к несчастью, двух сорок – к гостям, трех сорок и более – к свадьбе. Не говорится о том, что близко, под домом и прилетела, но увидишь, следовательно, это знак, который не так, чтобы прямо дается, а в своем таком положении прочитывается. И тогда единичность, не кричащей при этом сороки, будет свидетельством с нею себя обнаруживающего, «выскакивающего» откуда-то поражения, беды и вреда, в то время как парность, предполагающая своей возможной проекцией две стороны, здесь и там, не так, чтобы одна сорока была бы здесь, а другая оттуда, это можно интерпретировать как раздвоение, сорочью проекцию по двум сторонам, с чем и связывается ожидаемое появление гостей (Сорока-сорока, Сорока-ворона в своем удвоении при тех же гостях в приведенных потешках). И, наконец, последнее, в количестве трех и более означает стечение, соби́рание (ср. Гостей созывала в потешке), ориентирующее направление не по двум, не только по двум сторонам. Свадьбу при этом следовало бы понимать

<sup>21</sup> Дейктическая, указательная оборачиваемость сороки в определяемую сторону.

не столько как форму объединения двух родов, хотя это также, сколько как собирающееся схождение многих и многого, в том числе родового с разных сторон в одном месте, где ожидается свадьба.

Знание сорокой не этих, в том числе и для человека опасных мест, бывание там можно отметить в пословице – Знать сорока, гдѣ зима(у) зимовать и в загадке – Сорока подь пыль летала? уполовникъ, т.е. там, где опасно и горячо, где человеку не место (где «горяченько» и «ключики кипят-кипят»). Знание, а точнее умение, связываемое с указанной ранее перед этим подвижностью, способностью оборачиваться, скакать и вертеться. Не учи сороку въ присядку плясать (о том, кто владеет всеми необходимыми для житейских надобностей не только и не столько знаниями, хотя ими также, но и оборачиваемостью, гибкостью, динамизмом и легкостью, способностью принимать неожиданные решения).

Важными показателями сороки, как уже отмечалось, будут язык и хвост, который может выдать ее (Береги, сорока, свой хвостъ), за который ее можно схватить, который несоразмерно длинный, – в загадках: Сорóка въ кустъ, Алексѣй за хвостъ? (сковорода и сковородникъ); Сѣнничекъ съ кулачекъ, а запирка съ шестокъ (сорока). Или в таком шутовском поверии: чтобы поймать сороку, надо насыпать ей соли на хвост. Обратить внимание следует вместе с этим на белый, черный, а также зеленый цвета, немаловажные и характерные для сороки, ее отмечающие как не совсем обычное, лесное, отчасти бесовское<sup>22</sup> существо и к этому же ранее упомянутый хвост, длинный нос: Сорока-бѣлобока: зеленый хвостъ, долгій носъ! Не живеть сорóка безъ бѣлаго бока. Бѣл какъ снѣгъ, зеленъ какъ лукъ, черенъ какъ жукъ, повертка въ лѣсъ, а поеть какъ бѣсъ (сорока). Рябо, да не песь; и зелено, да не лукъ; вертится, какъ бѣсъ, и повертка въ лѣсъ<sup>23</sup> (сорока).

Белый цвет, белый бок, а также ранее упомянутый белый лобок становятся определяющими, ее вводящими и ее открывающими в рассматривавшейся потешке с ее вариантами, где она фигурирует в самом начале как Сорока-ворона, Сорока-сорока, Сорока-белобока, Сорока белый лобок, Сорока-воровка, Сорока-сорок, Бело-белобока, Сорока, сорока была белобока, Сорочка, сорочка, Бело-белобочка.

Не все возможное, себя обнаруживающее в приведенных и не приведенных потешках с сорокой получилось затронуть и, затронув так, чтобы более или менее обстоятельно рассмотреть, требует это большего погружения с обращением к более полному материалу. Предложенное в данной

<sup>22</sup> Что связывается с ее черно-бело-зеленой «рябостью» и, соответственно, пестротой, а также издаваемыми ею звуками (см. в приводимых из Даля следом загадках).

<sup>23</sup> Не случайна и показательна, в том числе и вербально, эта *повертка* ее, при том, что сорока не так, чтобы птица лесная. Важна в этом случае ее обращенность, повернутость к лесу, пространству нечеловеческого, к живущим и находящимся там, обитателям не только этого мира, но и потустороннего.

работе имеет поэтому намечающе-фрагментарный и иллюстративный характер. Выводимые признаки, связываемые с сорокой, которая фигурирует как сорока-ворона в ряде вариативных текстов, вместе с тем позволяют представить ее как обращенное туда и сюда, в сорочьем своем проявлении существо с дополнением к этому того, что было отмечено, и если касаться аспекта вороны нами почти не затронутого, можно было бы предполагать в контексте рассматривавшейся потешки, закрепленную обращенность к себе, не устанавливающую контакт несобранность, отсутствующую подвижность. Если сорока представляется как динамичное, вертящееся, оборачивающееся на разные стороны существо, то ворона, но только в таком своем проявлении связывается с привязанной ориентацией к месту, положением в данное время здесь, попаданием в неприятности, статичностью своего вороньего поведения и состояния. Ср. такие из словаря В.И. Даля примеры: Соколь съ мѣста, а ворона на мѣсто. Плохъ соколь, что ворона с мѣста сбила. Гдѣ ворона ни летала, а къ ястребу в когти попала. Попалась ворона в сѣть: попытаюсь, не станет ли пѣть. Ворона за море летала, да вороной и вернулась. Гдѣ вороне ни летать, а все навозъ клевать. Не летать было воронѣ на высокія (боярскія) хоромы. Начто воронѣ большія хоромы, знай ворона свое гнѣздо. Начто воронѣ большіе разговоры, знай ворона свое воронье кра. Узналъ ворону, какъ въ ротъ влетѣла. Сороку-ворону в потешке можно, тем самым интерпретируя воспринимать, которая как сорока – там и здесь, появляется и исчезает, в связующем динамизме двух различных сторон, а как ворона – сидит и находится здесь, в данный отображаемый момент, сейчас, при перемещающейся и перемежающейся раздаче кашки (о которой ранее говорилось) тем, кто не пришедшие гости, кто детки, но с отделяющим ненаделением (кашкой) из них выставляемого на осуждающее обозрение одного. Все остальное возможное, важное в отношении вороны и ее связи с сорокой требует рассмотрения с привлечением разных текстов народной традиции.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов, Р.И. (ред.). (1990). *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. III (добродѣтельно – изжечисл). Москва: Русский язык.
- Алексеевский, М.Д. (2005). *Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX–XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
- Алексеевский, М.Д. (2008). *Поминальные трапезы на Русском Севере: пищевой код и застольный этикет*. В: *Традиционное русское застолье. Сборник статей* (118–127). Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора.
- Андреев, Н.П. (1929). *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Ленинград: Изд. Государственного русского географического общества.

- Байбурин, А.К. (1983). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
- Баранов, Д.А. (1995). *Символические функции русской колыбели*. В: *Славяно-русские древности*, вып. 3: *Проблемы истории Северо-Запада Руси (235–240)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Былины Севера*. (1951). Подготовка текста и комментарий А.М. Астаховой, т. II: *Прионежье, Пинега и Поморье*. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Валенцова, М.А. (1999). *Каша*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 2 (483–488), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. (1995). *Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд*. В: *Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова (166–197)*. Москва: Восточная литература.
- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Головин, В.В. (2001). *Организация пространства новорожденного*. В: *Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры (31–61)*, Е.А. Белоусова (сост.), С.Ю. Неклюдов (ред.). Москва: Российский гос. гуманитарный университет.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык (по изд. 1955 г., со второго изд. 1880–1882 гг.).
- Иванов, Вяч.Вс. (2000/1973). *Категория «видимого» и «невидимого» в тексте. Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию»*. В: Вяч.Вс. Иванов, *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе*, т. II (78–104). Москва: Языки русской культуры.
- Ивашенко, Я.С. (2019). *Традиционные обряды кормления: морфология, семантика, эволюция*. Журнал интегративных исследований культуры, т. 1, № 2, 105–115.
- Исаева, М.В. (2006). *Мифологическая семантика цвета у древних славян*. В: *Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания. Материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г.*, вып. 3 (198–203). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Кабакова, Г.И. (2009). *Родины*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (446–448), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Криничная, Н.А. (2004). *Русская мифология: Мир образов фольклора*. Москва: Академический проект Гаудеамус.
- Лантух, Н.А. (2000). *Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира*. Культура народов Причерноморья, 13, 129–135.
- Максимова, Е.Л. (2006). *Черный. Красный. Белый. Россия век XX*. Вестник Университета Российской академии образования, 2, 96–104.
- Малинина, Н.Л. (2015). *Антиномии видимого и невидимого в художественном образе*. Современные проблемы науки и образования, 2 (3), <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23793>, доступ: 27.05.2023.
- Михельсон, М.И. (1997/1912). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Москва: ТЕРРА.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. (1957). В 3 т. Москва: Государственное Издательство Художественной Литературы.
- Неклюдов, С.Ю., Новик, Е.С. (2010). *Невидимый и нежеланный гость*. В: *Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова (393–408)*, Т.М. Николаева (ред.). Москва: Языки славянских культур.
- Новикова, О.В. Нудевива Кем. (2011). *Символика красного цвета в языковой картине мира африканских и восточнославянских народов*. Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, 7, 51–57.
- Панкеев, И.А. (1997). *Тайны русских суеверий*. Москва: Яуза.

- Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иванецким в Вологодской губернии* (1960). Вологда, [https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture\\_04\\_44.htm](https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_44.htm), доступ: 6.06.2023.
- Плотникова, А.А. (2009). *Порог*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (173–178), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рожаницы-и-Род>, доступ: 4.06.2023.
- Рифтин, А.П. (1946). *Категории видимого и невидимого мира в языке (Предварительный очерк)*. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологическая, 10, 136–152.
- Сафронова, Л.А. (2006). *Категория жизни и смерти в славянской культуре*. Славяноведение, 6, 3–8.
- Срезневский, И.И. (1958/1883). *Материалы для словаря древнерусского языка*. В 3 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Срезневский, И.И. (1885). *Роженцы у славянь и другихъ языческихъ народовъ*. Москва: Въ Типографіи Александра Семена въ Софійской улицѣ.
- Толстая, С.М. (2009). *Погребальный обряд*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (84–91), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Цивьян, Т.В. (1979). *Категория видимого / невидимого: балканские маргиналии*. В: *Balkanica. Лингвистические исследования* (201–207). Москва: Наука.

\*\*\*

- Alekseevskii, M.D. (2005). *Zastol'e v obryadakh i obryadovom fol'klоре russkogo severa XIX–XX vv. (na materiale pokhoronno-pominal'nykh obryadov i prichitanii)*. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow.
- Alekseevskii, M.D. (2008). *Pominal'nye trapezy na Russkom Severe: pishchevoi kod i zastol'nyi etiket*. V: *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei* (118–127). Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora.
- Andreev, N.P. (1929). *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne*. Leningrad: Izd. Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva.
- Avanesov, R.I. (red.). (1990). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*, t. III (dobrodĕtel'no – izzhechisla). Moscow: Russkii yazyk.
- Baiburin, A.K. (1983). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan*. Leningrad: Nauka.
- Baranov, D.A. (1995). *Simvolicheskie funktsii russkoi kolybeli*. V: *Slavyano-russkie drevnosti*, vyp. 3: Problemy istorii Severo-Zapada Rusi (235–240). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet.
- Byliny Severa*. (1951). Podgotovka teksta i kommentarii A.M. Astakhovoi, t. II: *Prionezh'e, Pinega i Pomor'e*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dal', V.I. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4 t. Moscow: Russkii yazyk (po izd. 1955 g., so vtorogo izd. 1880–1882 gg.).
- Golovin, V.V. (2001). *Organizatsiya prostranstva novorozhdenного*. V: *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoi kul'tury* (31–61), E.A. Belousova (sost.), S.Yu. Neklyudov (red.). Moscow: Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Rozhanitsy-i-Rod>, accessed: 4.06.2023.
- Ivanov, Vyach. Vs. (2000/1973). *Kategoriya «vidimogo» i «nevidimogo» v tekste. Eshche raz o vostochnoslavyanskikh fol'klornykh parallelyakh k gogolevskomu «Viyu»*. V: *Vyach.Vs. Ivanov, Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Stat'i o russkoi literature*, t. II (78–104). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

- Ivashchenko, Ya.S. (2019). *Traditsionnye obryady kormleniya: morfologiya, semantika, evolyutsiya*. Zhurnal integrativnykh issledovaniy kul'tury, t. 1, № 2, 105–115.
- Isaeva, M.V. (2006). *Mifologicheskaya semantika tsвета u drevnykh slavyan*. V: *Pervye Loifmanovskie chteniya: Aksiologiya nauchnogo poznaniya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 10–11 marta 2005 g.*, vyp. 3 (198–203). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Kabakova, G.I. (2009). *Rodiny*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (446–448), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Krinichnaya, N.A. (2004). *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora*. Moscow: Akademicheskii proekt Gaudeamus.
- Lantukh, N.A. (2000). *Dom kak sakral'nyi tsentr i sakral'naya granitsa v russkoi natsional'noi kartine mira*. Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 13, 129–135.
- Maksimova, E.L. (2006). *Chernyi. Krasnyi. Belyi. Rossiya vek XX*. Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 2, 96–104.
- Malinina, N.L. (2015). *Antinomii vidimogo i nevidimogo v khudozhestvennom obraze*. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2 (3), <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23793>, accessed: 27.05.2023.
- Mikhel'son, M.I. (1997/1912). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. V 2 t. Moscow: TERRA.
- Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva*. (1957). V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury.
- Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. (2010). *Nevidimyi i nezhelannyi gost'. V: Issledovaniya po lingvistikе i semiotike. Sb. statei k yubileyu Vyach.Vs. Ivanova (393–408)*, T.M. Nikolaeva (red.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Novikova, O.V. Nudeviva Kem. (2011). *Simvolika krasnogo tsвета v yazykovoi kartine mira afrikanских i vostochnoslavyskikh narodov*. Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 7, 51–57.
- Pankeev, I.A. (1997). *Tainy russkikh sueverii*. Moscow: Yauza.
- Pesni, skazki, posloviцы, pogovorki i zagadki, sobrannye N.A. Ivanitskim v Vologodskoi gubernii (1960)*. Vologda, [https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture\\_04\\_44.htm](https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_44.htm), accessed: 6.06.2023.
- Plotnikova, A.A. (2009). *Porog*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (173–178), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Riftin, A.P. (1946). *Kategorii vidimogo i nevidimogo mira v yazyke (Predvaritel'nyi ocherk)*. Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskaya, 10, 136–152.
- Safronova, L.A. (2006). *Kategoriya zhizni i smerti v slavyanskoj kul'ture*. Slavyanovedenie, 6, 3–8.
- Sreznevskii, I.I. (1958/1883). *Materialy dlya slovaryа drevnerusskogo yazyka*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovari.
- Sreznevskii, I.I. (1885). *Rozhenitsy u slavyan i drugikh yazycheskikh narodov*. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena v Sofiiskoi ulitsѣ.
- Tolstaya, S.M. (2009). *Pogrebal'nyi obryad*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (84–91), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Tsiv'yan, T.V. (1979). *Kategoriya vidimogo / nevidimogo: balkanskije marginalii*. V: *Balkanica. Lingvisticheskie issledovaniya (201–207)*. Moscow: Nauka.
- Valentsova, M.A. (1999). *Kasha*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 2 (483–488), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. (1995). *Ritual'nye priglaseniya mifologicheskikh personazhei na rozhdestvenskii uzhin: formula i obryad*. V: *Malye formy fol'klora. Sbornik statei pamyati G.L. Permyakova (166–197)*. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Vlasova, M.N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii*. St. Petersburg: Severo-Zapad.